

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова**У. Шекспир****Плач Влюбленной****Перевод С. Кадетова**

Со склона, что пещерным эхом повторял
Своей сестры – долины – скорбные напевы,
Мой дух дуэту с состраданием внимал;
Я повторю вам эту песнь в миноре, где вы
Представите неясный облик бледной девы,
Кольцо срывающей и рвущей письма в клочья:
Сменился день в ее душе ненастной ночью.

Ее головку покрывал соломенный убор,
Предохранявший лик от солнца, что палило;
И за вуалью тени угадать мог взор
Память прекрасного лица, что прежде было:
Время еще не все побеги юности скосило,
И, словно небо сквозь оконных рам свинцовый переплет,
Виднелась молодость сквозь времени безжалостный налет.

Время от времени, держа перед глазами
Платок, чей шелк вязь слов неясных покрывала,
Она отчаянья горячими солеными слезами
Его, как прачка, безутешно отмывала,
И смысл того, что надпись содержала,
Вновь заставлял исторгнуть бедный рот
Всю гамму стонов, до высоких самых нот.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Порою, глаз ее стволы в зенит вздымал лафет:
 Как будто, небу объявлял войну мятежный взгляд;
 Порой казалось, что у взора распрямиться силы нет,
 А через миг, казалось, в мире нет ему преград;
 Еще мгновенье, и он бегаёт вперед в смятении, и назад:
 Без устали, пытаясь охватить и удержать все разом,
 Будто, порвалась связь меж разумом ее и глазом.

В ее прически своенравном беспорядке
 Небрежность гордости увидеть глаз бы мог:
 Часть прядей убежала на свободу из-под шляпки,
 Став обрамленьем изможденных, бледных щек;
 Другие ж послушанья не нарушили зарок:
 Привычный легкой ленты плен не сбросили пока,
 Хоть лишь для виду повязала их небрежная рука.

Она, раскрыв изящную плетеную корзину,
 Агата нити, жемчуг, янтаря куски,
 Достав, кидала тут же в вод стремнину,
 К слезам реки спеша добавить и свои:
 Так получают свой процент ростовщики;
 И так монаршья, к алчным щедрая, рука,
 К тому, кто просит малого, скупа.

Записки из корзины извлекая по одной,
 Прочтя, она кидала в воду, чтоб туда их смыло,
 Где не один уже бесценный перстень золотой
 Нашел в придонном иле жалкую могилу;
 Сейчас в ее руках посланье, писанное кровью было:
 Скрепленная печатью шелковая нить
 Его от глаз чужих сумела сохранить.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

И, окуная свиток в глаз озера вновь, и вновь,
 Не замечая слез, что по щекам потоками текут,
 Она его лобзала, восклицая: «О, предательская кровь!
 Свидетельства и клятвы в верности, что лгут!
 Не кровь, а адские чернила подошли бы тут!»,
 Здесь, на вершине крика, чувствами не овладев,
 Она порвала свиток: стер посланье крови гнев.

Почтенный старец, прежних лет повеса и бретер,
 Познавший света суету и искушения порывистых сердец,
 Но осознавший – жизнь подобная крадет часы, как вор,
 И двор покинувший, чтобы в тиши пасти своих овец,
 Услышав громкий стон любовного недуга, наконец,
 Взор обратил к несчастной: в этих звуках он узнал
 Мотив, что в прошлом жизнь его сопровождал.

На посох опираясь, он спустился к берегу реки,
 Присел на землю – так, чтоб к деве ближе быть,
 И, видя как страдания несчастной велики,
 Ей предложил рассказом муки облегчить:
 Порой сочувствие одно способно излечить
 Боль, коей выхода вовне иначе нет;
 Все это знало милосердие преклонных лет.

Она ответила: «Жестокие часы страдания, отец,
 Оставили глубокие следы на облике моем;
 Я слишком молода, чтоб Времени резец
 Винить: страдание, отец, все дело в нем!
 Могла бы оставаться свежим я цветком,
 Что рад себе, и радует весь мир, цветя,
 Когда б мою любовь я обратила на себя.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Но, на беду, мне рано встретить довелось
 Того, кто всех богаче был Природой одарен;
 Очаровавшего меня, как чудо, что сбылось.
 Недаром, женских взглядов повелителем был он.
 Бездомная Любовь ее достойный дом
 Нашла в нем, поселившись там, она
 Вновь стала всеми обожествлена!

Вокруг его лица был ореол каштановых кудрей,
 И каждый раз, когда легчайшее касанье ветерка
 Стремилось локоны к его губам приблизить поскорей,
 То ясно было – к красоте стремится красота.
 Весь его облик был, как райская мечта:
 Казалось, в нем миниатюру узнаю
 Картины, что увидим мы в раю.

Из юноши он только начал превращаться в мужа:
 Он покрывался, словно Феникса птенец, пушком пригожим;
 И взгляд внимательный уже мог обнаружить,
 Что превращается из шелка в бархат его кожа.
 И это делало наряд его лица еще дороже.
 Вставал вопрос – хотя, какой в нем толк! -
 Что все же лучше – бархат или шелк?

Манерами он красоте своей не уступал,
 И, несмотря на целомудренную скромность речи,
 Он, будучи соперником задет, вмиг обращался в шквал:
 Апрель подобным юным своенравьем мечен -
 Средь дуновения весны, не ждешь со штормом встречи.
 В нем искренностью грубость прикрывалась до поры:
 Казалось, эти вспышки страстью к правде рождены.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Наездника нельзя представить лучше: было мненье,
Что конь характер перенял от ездока;
Конь благородно нес его, гордился подчиненьем -
Какой галоп, какой прыжок, какое послушание всегда!
Однако, среди похвал звучали зависти слова,
Что не понятно, то ли красит он коня,
То ли он славу приобрел, коню благодаря.

Но очень скоро победила точка зренья,
Что своей славой он только себе обязан:
Собой он все преображает, превращает в украшения,
Как красят свежие, прекрасные цветы любую вазу.
Его коснувшись, расцветают вещи сразу;
Все украшения – только приложение к нему:
Они, как зеркала, лишь отражают красоту.

Он был красноречив и остр на язык,
Любые темы в его речи обретали глубину,
Всегда он отвечал находчиво и вмиг;
Весь арсенал риторики доступен был ему;
Он, им владея, собеседников держал в плену:
Мог рассмешить скорбящего и огорчить весельчака.
Была настолько сила его слов и воли велика,

Что им никто не в силах был сопротивляться:
Все, независимо от званий, возраста и пола,
Мечтали, поселившись в его мыслях, там остаться;
Стремилась быть, где он, чтобы его увидеть снова;
Пытались угадать его, еще не сказанное слово;
От всех упреков его тут же защитить -
Всем нравилось под его властью быть.

Хотели многие повесить в головах своих его портрет,

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Чтоб услаждать свой взор; но образ брал рассудок в подчинен-
 нье,

Их делая блаженными, у коих силы, как известно, нет
 Чужое отличать от своего в желанья помраченьи:
 Они присваивают в мыслях им любезные именья,
 И получают больше радости воображения умельцы,
 Чем тех усадьб законные подагрики-владельцы.

Так та, кому не довелось притронуться к его руке,
 Себя наивно полагала его сердца госпожой.
 А я, принадлежавшая тогда всецело лишь себе,
 Свободная, поскольку не владел душой никто чужой,
 Пленившись совершенством красоты и силы молодой,
 Себя отдала меня влекшей силе, как цветок;
 Остался след цветка – засохший черенок.

Но я не делала, как часто делали в моем кругу,
 Ему уступок, оказав желаниям его сопротивление:
 Честь не давала мне идти у них на поводу,
 И я готовилась за честь мою принять сраженье.
 Мой опыт позволял из зрелища его побед воздвигнуть укрепле-
 нья:

Он, чтобы отличить стекляшку от бриллианта не смогли,
 Подкладывал побед любовных блеск, как слой фольги.

Увы, кого остановили прецеденты и примеры?
 Ошибок тяжкий путь нужно самой пройти:
 К чужому опыту нет у желанья уважения и веры,
 Мы продолжаем, невзирая на опасности, идти.
 Любой совет – досадная задержка на пути:
 Совет разумный пресной мудростью своей
 Способен сделать неразумное желание острее.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

И страстный норв крови нам не усмирить
Чужого опыта вмиг рвущейся на нас уздой.
Стремленье к сладкому умом не запретить:
Страх придает желанной сласти вкус двойной.
Наш аппетит с разумною не дружит головой:
Так же безумно алчет аппетит сердец,
Пусть здравый смысл вопит: «Тебе конец!»

Прекрасно знала я – он лгун и вертопрах,
И видела его пороки сквозь пленительный узор;
И слышала, что сажены его растут в чужих садах;
Обман за искренней улыбкой замечал мой взор;
Я понимала – там, где клятвы, прячется позор;
Все письма и слова – лишь изощренья лжи,
И оскверняют сердце выродки его души.

И долго отбивать мне все атаки удавалось...
«Великодушная, – сменил он тактику своей осады -
Яви к страданьям моей юности влюбленной жалость:
Тебе бояться моих чистых чувств не надо!
Тебе единственной могу поклясться свято:
Хоть пиршества любви я посещал не раз,
Познать любовь сумел я лишь сейчас.

Все те истории, о коих слухов много слишком,
Плод нетерпения горячей крови, не души:
Любовь там ни при чем – все это темные делишки,
Где в равной степени партнеры хороши.
Боишься мук стыда и слухов – не греши:
Попытки их взвалить вину всю на меня
Лишь облегчают бремя моего стыда.

Все те, кого донине видели мои глаза,

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Меня не тронули – осталось сердце равнодушно;
 Ни разу удовольствий не испортила страдания слеза,
 Ни в ком я не нашел того, что сердцу нужно.
 Страдали лишь они: мне подчинившись, их сердца послушно
 Одели слуг ливреи; мое сердце было вправе
 Бесчувственно царить в своей державе.

Взгляни на дань, что подносили подданные мне:
 Здесь бледность жемчуга и кровь рубинов – так
 Их страсть устами драгоценностей кричала в тишине,
 Мне посылая ложной скромности иль бурной крови знак;
 В этой бескровной белизне и краске, алой, словно мак,
 Легко все страсти, страхи и сомненья обнаружить,
 Что из сердец, им тесных, вырвались наружу.

Смотри, вот золото червонное волос,
 Что нитей золота, переплетенных с ним, ценней:
 Дар обладательниц прекрасных этих кос,
 Откликнуться меня на зов моливших поскорей.
 Для этой цели и богатое убранство из камней,
 И к каждому из них глубокомысленный сонет,
 Что воспекает камня ценность, смысл и завет.

Бриллиант? Он к твердости и блеску, о которых заявляет вслух,
 Может добавить то, что прячется в его прозрачной глубине;
 Вот изумруд: коль твой усталый взор поник или потух,
 Его зеленые лучи блеск глаз вновь возвратят тебе;
 Вот девственный опал; сапфир, окрашенный в небесной синеве;
 И к каждому их сути описание – как приложение,
 Способное их радость вызвать, или огорченье.

Есть в подношениях и пылкой страсти жар,
 И робкий зов, что обнаружить себя прямо не посмел.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Не мне Природа принесла бесценный этот дар,
 Не думай, что я им, как скряга, завладел:
 Он твой! Мое начало ты, конец мой, мой удел:
 По праву, это все твое отныне -
 Я лишь алтарь у ног моей богини.

Вот, эти описания в твоих руках, чья белизна
 Являет легковесность их хвalebных слов:
 Ты заслужила все эти сравнения одна,
 Все поклонения и вздохи восхищенных ртов;
 Я, как министр твой, служить тебе готов,
 Чтоб опись полную похвал произвести,
 И части в сумму для одной тебя свести.

Смотри, вот амулет, подаренный монахини рукой.
 Ее все сестры искренне за святость чтили:
 Она недавно украшала высший свет собой,
 Все кавалеры знатные по ней с ума сходили
 И руку предложить достойной барышне спешили,
 Но их отвергнув, она выбрала обители покой,
 Жизнь посвятив любви духовной, неземной.

Ты понимаешь, милая, как трудно нам бывает
 Отдать несуществующее; развенчать рожденный нами миф;
 Сдать крепость, где защитник на себя же нападает;
 Тюрьму разрушить, где держали мы себя, свои веревки свив?
 Все добродетели свои в себе самой же затворив,
 И избежав незримых ран житейских битв,
 Честь она видела в уходе в мир молитв.

Я не хотел бы хвастуном перед тобой прослыть,
 Но те случайности, что с ней меня свели,
 Ее заставили мгновенно обо всем забыть.

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Ей показались тут же тюрьмами монастыри:
Всех в мире вер сильнее религия любви.
И монастырские, свободные от искушений своды,
Она сменить рвалась на искушения свободы.

Какою силой ты наделена! Только послушай:
Ведь до сих пор, без перерыва, в мой фонтан
Себя вливали покоренные мной души,
А ныне в твой все это вольется океан;
Их победитель, покорен тобой я сам.
Смешай целебные плоды твоих побед:
От льда в груди, поверь, лекарства лучше нет.

Мой образ подчинил, невольню, враз,
Монашенку, творившую насилье над собою:
Подвергшись нападенью восхищенных глаз,
Сбежала тут же святость с поля боя.
Всесильная любовь! Все клятвы, обещание любое -
Ничто перед тобой; где ты – там разум нем,
Ибо ты – все, и обладаешь – всем!

Когда ты разгораешься, то грош цена
Чужим затасканным советам и примерам;
В сравнении с твоим жаром, холодны слова
Косноязычных адвокатов добродетели и веры.
Любовь развеет в прах все правила и разума химеры;
Любовь из боли даже может сделать наслажденье,
Наполнив сладкой мукой страхи, стыд, сомненья.

Все те сердца, что быть вассалами моими рады,
Со стонами, исторгнутыми из залитых кровью ртов,
С последнюю мольбой к тебе простерли взгляды,
Слезно прося тебя, мост перекинув через ров,

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Принять меня, найти хоть пару теплых слов,
Поверить грамотам, что я пришел тебе вручить:
Я своей кровью их готов для верности скрепить».

Умолкнув, он меня пронзавший взгляд
Потупил и, от чувств, сдержать не смог
По склонам щек потекший водопад,
В озерах глаз имевший свой исток.
Как склонов дно собой украсило поток!
Алели розы сквозь хрустальное стекло,
Что по щекам его зардевшимся текло.

Отец, как имя силе, что над нами
Единственной слезе такую власть дает?
Какое сердце, будь оно как камень,
Способно выдержать напор соленых вод?
Неужто не растает в их потоке жарком лед?
О, слезы! Вы наносите по нам двойной удар:
В вас осторожность, тая, заливают гнева жар.

И подхватила меня слез магическая сила,
Помноженная на его искусство обольщенья;
Сорвала девственный наряд, что я носила,
Прочь унесла все страхи и сомненья;
Потоки наших слез слились в любовном притяженьи,
Смывая все; хоть разными слезинки были:
Мои – ему во благо, а его – меня губили.

Ему достался несравненного актера дар,
Которому все формы сущего даны:
И опаляющий пожара страсти жар;
И слезное журчание струящейся воды;
Небес немая бледность накануне утренней зари;

Шекспир У. Плач Влюбленной. Перевод С. Кадетова

Он мог зардеться, побелеть, потупить взор,
Чтобы пленить вас, как трагический актер.

При этом, было его сердце в стороне,
Когда на жертву он обрушивал свой град;
В маске добра опасные вдвойне,
Крушили градины его привлекший сад.
И, воспевая то, что уничтожить рад
В испепеляющем огне телесного желанья,
Он славил девственности снежное сиянье.

Так зло нагое прикрывает красота
От нас нарядом незапятнанным своим;
И двери настежь открывает простота,
Уверенная, что влетит в них херувим.
Кто из нас в юности не хочет быть любим?
Я пала... Но вопрос волнует кровь:
Что будет, коль случится это вновь?

О, влажный блеск твоих прекрасных глаз!
О, этих щек желаньем вспыхнувшие свечи!
О, эти вздохи, что дыханье учащают враз!
О, этот стук, насквозь пронзающий, сердечный!
О, мимолетное, что жаждешь сделать вечным!...
Отец, все повторится, без сомненья:
Его предательство, как и мое паденье...

КОНЕЦ